

**ПАРФЯНСКАЯ ВОЙНА М. ЛИЦИНИЯ КРАССА:
КАМПАНИЯ 53 Г. ДО Н.Э.**

Аннотация: в статье рассматривается ряд дискуссионных вопросов, связанных с парфянским походом М. Лициния Красса. Сделана попытка показать, что Красс в целом достаточно грамотно руководил действиями своей армии, и далеко не сразу утратил руководство ею. Его главная ошибка была общей для римлян, которые недооценивали возможности конных лучников. Именно блестяще осуществленное комбинированное использование конных лучников и тяжелой конницы обеспечило парфянам победу при Каррах. Вместе с тем значение этой победы не стоит переоценивать. Она не привела к кардинальной перестройке международных отношений на Востоке. А лозунг «месть за Красса» приобретает актуальность лишь через полтора десятилетия после его гибели.

Ключевые слова: Красс, Карры, Сурена, римляне, парфяне, конные лучники, «месть за Красса».

Abstract: the article discusses a number of issues related to the Parthian campaign of M. Licinius Crassus. An attempt was made to show that Crassus, on the whole, was quite competent in directing the actions of his army, and he did not immediately lose his leadership. His main mistake was common to the Romans, who underestimated the capabilities of horse archers. It was the brilliantly realized combined use of horse archers and heavy cavalry that ensured the Parthians victory at Carrah. However, the significance of this victory should not be overestimated. It did not lead to a radical restructuring of international relations in the East. And the slogan "revenge for Crassus" becomes relevant only a decade and a half after his death.

Keywords: Crassus, Carrah, Surena, Romans, Parthians, horse archers, «revenge for Crassus».

В одной из своих статей Джусто Трайна подчеркивает, что историки, как правило, доверяют тому изображению парфянской войны М. Красса, которое дает нам античная традиция; однако почти все античные письменные источники содержат карикатурный образ римского полководца¹. Действительно, в них, как правило, подчеркиваются его алчность, неумеренная жажда славы, плохое планирование военных действий и т.п. и через призму этих качеств дается оценка всем его действиям. К этим оценкам, восходящим к античной традиции, добавляются современные, вписывающие поражение при Каррах во всемирно-исторический контекст, многовековое противостояние Востока и Запада. Это тоже сказывается на репутации Красса как человека, по чьей вине это поражение случилось. Между

¹ Traina G. Imperial Views on the Battle of Carrhae // War in Words. Transformations of War from Antiquity to Clausewitz / M. Formisano and H. Böhme (eds.). B.; N.Y., 2011. P. 211.

тем источники позволяют дать иную оценку и личности командующего, и самому событию. Попытаемся рассмотреть факты, избегая, насколько это возможно, предвзятых оценок

Итак, весной 53 г.², в конце апреля или начале мая по юлианскому календарю, Красс двинул свою армию против Парфии. Относительно размеров этой армии данные источников сильно расходятся. Аппиан мимоходом говорит о стотысячной римской армии, которая почти вся погибла (BC. II.18.66); Флор говорит об одиннадцати легионах (I.46.2), т.е. приблизительно о 55 тыс. чел. Плутарх информирует нас наиболее детально: «он двинулся вдоль реки с семью легионами, без малого четырём тысячам всадников и легковооружёнными в числе, приблизительно равном числу всадников» (Crass. 20.1)³. Таким образом, численность армии определяется на основании этих данных примерно в 42–43 тыс. чел.⁴

Эти расчеты исходят из того, что в легионе в то время было в среднем 5 тыс. чел., но при этом у нас нет ответа на вопрос, насколько эти легионы были укомплектованы. Учитывая трудности с набором, которые были у Красса в Италии⁵, вряд ли они достигали полной численности. Кроме того, в гарнизонах в Месопотамии было оставлено 7 тыс. легионеров и тысяча всадников (Plut. Crass. 17.7), и на момент похода они все еще там находились (ibid. 19.3). Если принять эту поправку, то общая численность получается меньше, в лучшем случае, 34–35 тыс. чел.⁶

² Здесь и далее все даты до н.э.

³ Здесь и далее биография Красса цитируется в переводе В.В. Петуховой, «Римская история» Кассия Диона – в переводе автора.

⁴ См., напр.: *Drumann W, Groebe P. Geschichte Roms in seinem Übergange von republicanischen zur monarchischen Verfassung. Leipzig, 1910. Bd. 4. S. 112* (семь легионов, 4 тыс. легкой пехоты и столько же конницы); *Rawlinson G. The sixth Great Oriental Monarchy, or the Geography, History, Antiquities of Ancient Parthia. N.Y., 1873. P. 156; idem. The Story of Parthia. N.Y., 1893. P. 174* («более 40 тыс. человек»); *Sykes P.M. A History of Persia. L., 1915. Vol. 1. P. 375; Debevoise N.C. A political history of Parthia. Chicago, 1938. P. 83; Gutschmid A. von. Geschichte Irans und seine nachbarländer von Alexander der Grosse bis zum Untergang des Arsaciden. Tübingen, 1888. S. 88; Sampson G.C. The Defeat of Rome in the East. Crassus, the Parthians and the Disastrous battle of Carrhae 53 BC. Philadelphia, 2008. P. 108* (42 тыс. пехоты + 4 тыс. конницы); *Sheldon R.M. Intelligence Activities in Ancient Rome. L., 2005. P. 90; eadem. Rome's war in Parthia: blood in the sand. L., 2010. P. 33–34; Farrokh K. Shadows in the Desert. Ancient Persia at war. Oxf., 2007. P. 136* (42 тыс. пехоты + 4 тыс. конницы); *Schippmann K. Gründzuge der partischen Geschichte. Darmstadt, 1980. S. 38; Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. М., 1966. Ч. 2. С. 50; etc.*

⁵ *Смыков Е.В. Парфянский поход Красса: к вопросу о некоторых аспектах кампании 54 г. до н.э. // IRANICA: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. – VI в. н.э. Казань, 2017. С. 291.*

⁶ *Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1936. Т. 1. С. 356; Tarn W. Parthia // САН. 1932. Vol. 9. P. 608; Bivar A.D. The political history of Iran under the Arsacids // The Cambridge History of Iran. Cambr., 1983. Vol. 3/1. P. 52.*

Войско переправилось через Евфрат у Зевгмы – города, который был основан Селевком Никатором, родоначальником династии Селевкидов, в том месте, где эту реку перешла армия Александра Великого. Это была старинная переправа⁷, так что начало похода было вполне традиционно.

Плутарх в своем рассказе об этой переправе нагнетает драматизм, перечисляя многочисленные злоецие знамения, сопровождавшие переправу (Plut. Crass. 19.5–10). Безусловно, его повествование содержит рациональное зерно – переправа сопровождалась сильной бурей, в связи с которой о знамениях говорится и у Кассия Диона: «Одно знамение имело место с так называемым «орлом» армии. <...> ...Один из этих-то орлов не хотел присоединяться к Крассу в его переправе за Евфрат, но прочно держался в земле, как если бы рос из нее, до тех пор, пока многие не столпились вокруг него и не вырвали его силой. И он последовал за армией, хотя и против своей воли, а один из больших флагов, похожих на паруса, с пурпурными буквами на нем для обозначения армии и ее главнокомандующего, был опрокинут и упал с моста в воду. Случилось это во время порывов ужасного ветра. Тогда Красс обрубил другие древки, которые все были одинаковой длины, чтобы они стали короче и их было удобнее нести, но этим поступком он только увеличил количество знамений. И во время переправы через реку солдат окутал такой сильный туман, что они натыкались один на другого и не могли ничего видеть во враждебной стране до тех пор, пока не вступили в нее. И жертвоприношения были самые неблагоприятные как для переправы, так и для высадки на берег. Тем временем на них обрушился сильный ветер, упали стрелы молний, и мост разрушился до того, как переправились они все» (Cass. Dio. XL.18.1–5). Все эти явления – и упавшая в воду лошадь, и опрокинутый вексиллум, и сильный туман, и разрушенный мост⁸ – вполне естественны для сильной непогоды; но, конечно же, впоследствии, после поражения, они должны были приобрести совершенно иное звучание. В этом смысле интересно, как именно передает Плутарх речь полководца, которая более полно воспроизведена Кассием Дионом: «Не унывайте, воины, оттого, что разрушился мост, и не думайте из-за этого, что нам возвещено какое-то несчастье. Ведь я клятвенно обещаю вам, что решил совершить обратный марш через Армению». Этим он ободрил бы их, если бы не прибавил громким голосом таких слов: «Будьте смелы! Ведь ни один из нас не вернется этим путем» (Cass. Dio. XL.19.1–2). Из этой речи, в которой Красс приоткрывал воинам часть своего стратегиче-

⁷ Переправа у Зевгмы часто упоминается у античных авторов. См. подборку соответствующих материалов: *Kennedy D.L., Burgess R. Ancient sources for Zeugma (Seleucia-Apamea) // Kennedy D.L. et al. The twin towns of Zeugma on the Euphrates: rescue work and historical studies. Portsmouth RI, 1998 (Journal of Roman archaeology. Supplementary series. No. 27). P. 139–162.*

⁸ Кстати, Плутарх приводит две разные версии разрушения моста – сперва говорит о буре, которая его разметала (Crass. 19.4), а затем Красс заявляет, что он приказал разрушить мост (19.7).

ского замысла, планы возвращения другим путем⁹, у него остаётся только заключительная часть: «...сказал, что мост через реку он приказывает разрушить, дабы никто из солдат не вернулся назад» (Plut. Crass. 19.7). Будучи вырванными из контекста, эти слова и действительно звучат как грозное предзнаменование, что служит созданию необходимого Плутарху трагического колорита всего повествования¹⁰.

Описание следующих дней похода строится по схеме: Крассу дают мудрые советы, но он их не слушает, идет вперед, доверяя не своему штабу, а предателю-проводнику Абгару. В роли советчика, как правило, выступает Г. Кассий, будущий убийца Цезаря, а пока квестор в армии Красса. Он упоминается, как один из командиров, которые настаивали перед походом на созыве военного совета (18.4), затем советует сделать остановку в одном из занятых в прошлом году городов, произвести разведку, и, если она не даст результатов, двигаться вдоль реки (20.4). Кассий пытается убедить Красса отвергнуть рекомендации Абгара, а прислушаться к советам царя Армении Артавазда (22.3), и он же предлагает перед битвой построение, которое исключало обход римлян с флангов, и Красс сперва соглашается с этим, но затем решает построить легионы в каре, что и предопределило их дальнейшую судьбу (23.3-4). Наконец, после поражения он (вместе с легатом Октавием) пытается вернуть мужество упавшему духом Крассу (27.7), ведет переговоры с Суреной (28.4-6), и в конце концов из-за недоверия к проводникам покидает Красса, возвращается в Карры, а оттуда в Сирию (29.4). Однако у Кассия Диона в рассказе о походе он упоминается только на завершающем этапе, в связи с якобы бывшей попыткой воинов передать ему командование и его уходом в Сирию¹¹.

Конечно, в какой-то степени этот акцент на разумные предложения Кассия отражает литературный замысел Плутарха: как отмечает А.В. Задорожный, образ «мудрого советника» прочно укоренен в античной литературной традиции. Что касается самого Красса, то его «трагическое безрассудство ... заключается главным образом в его самоуверенности и отсутствии здравого смысла и ответственности»¹². Однако в основе такого противопоставления разумности Кассия и безрассудства Красса лежит то, что, как в общем признают исследователи, херонейский биограф опирался здесь, прямо или через чье-то изложение, на рассказ самого Г. Кассия. Будучи единственным оставшимся в живых офицером из штаба Красса, он, естественно,

⁹ Смыков Е.В. Указ. соч. С. 295.

¹⁰ А.В. Задорожный отмечает, что первая переправа через Евфрат, в 54 г., описана кратко, поскольку не имела роковых последствий, а на сей раз римляне преодолевают водную преграду на пути к катастрофе, и потому все изображается в особенно зловещем свете (*Zadorojniiy A.V. Tragedy and Epic in Plutarch's "Crassus" // Hermes. 1997. Bd. 125/2. P. 175*).

¹¹ Cass. Dio. XL.25.4; 28.2 (при рассказе об отражении парфянского вторжения).

¹² *Zadorojniiy A.V. Op. cit. P. 173-174 + note 29.*

изобразил события в наиболее благоприятном для себя свете, что делает его версию событий, мягко говоря, весьма сомнительной¹³.

Таким образом, история об изначально неразумном поведении Красса покоится на тенденциозном источнике, что, разумеется, не отрицает ни его отдельных ошибок, ни военных талантов Кассия. Для выбора пути у Красса были серьезные основания.

Первое и самое очевидное из них приводит уже Плутарх: в Месопотамии «оставлено много храбрых римских воинов» (πολλοὺς καὶ ἀγαθοὺς Ῥωμαίων ἄνδρας ἐπέλιπεν)¹⁴. К этому основному соображению можно добавить, что путь через Армению отнюдь не был «стратегически оптимальным путем», как его именует А.П. Беликов¹⁵. Выигрывая в безопасности, Красс сильно проигрывал во времени, поскольку дорога была существенно длиннее. Это создавало риск парфянского удара по оставшейся без защиты Сирии¹⁶, а сам Красс оказался бы отрезан от своей базы и зависим от довольно ненадежного союзника¹⁷. Наконец, не стоит забывать, что в начале 53 г. мятежный Митридат еще удерживал Селевкию, и движение Красса на соединение с ним было вполне естественным¹⁸.

¹³ *Sampson G.C.* Op. cit. P. 117, 190; *Frendo D.* Roman expansion and the Graeco-Iranian World: Carrhae, the Expansion and Aftermath in Plutarch // *Bulletin of Asia Institute.* 2007. Ser. New. Vol. 17. P. 73. Сомнения в достоверности сообщений о роли Кассия в походе, опирающихся на его собственное донесение, высказывались уже давно (*Gelzer M. M.* Licinius Crassus Dives (68) // *RE.* 1926. Hbd. 24. Sp. 328; *Timpe D.* Die Bedeutung der Schlacht von Carrhae // *Museum Helveticum.* 1962. Vol. 19. S. 109–110. Anm. 37). Однако до сих пор единства мнений нет, и в ряде работ эти данные принимаются без критики. См., напр.: *Dettenhofer M.H.* Perdita iuventus. Zwischen den Generationen von Caesar und Augustus. München, 1992. S. 125; *Sheldon R.M.* Rome's war... P. 34–36.

¹⁴ *Plut. Crass.* 19.3. Это объяснение принимают: *Бокщанин А.Г.* Указ. соч. С. 49; *Sherwin-White A.N.* Roman Foreign policy in the East. 168 B.C. to A.D. 1. L., 1984. P. 286. П. Грёбе указывает, что в Месопотамии находилась примерно пятая часть армии Красса (*Drumann W, Groebe P.* Op. cit. S. 111. Anm. 5). Дж. Роулинсон и Н. Дибвойз подчеркивают, что у Красса не было другого выбора – бросить на произвол судьбы гарнизоны он не мог (*Rawlinson G.* The sixth... P. 155; *Debevoise N.C.* Op. cit. P. 82).

¹⁵ *Беликов А.П.* Парфянский поход Красса: военно-технический аспект // *Para bellum.* 2001. № 12: Война и военное дело в античности. С. 43; *он же.* Рим и эллинизм. Проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 305.

¹⁶ *Drumann W, Groebe P.* Op. cit. S. 111. Anm. 5.

¹⁷ *Tarn W.* Op. cit. P. 607; *Marshall B.A.* Crassus. A Political Biography. Amsterdam, 1976. P. 153.

¹⁸ Как указывает А. Бивар, в настоящее время принято считать, что взятие Селевкии Суреной от битвы при Каррах отделяют лишь несколько недель (*Bivar A.D.H.* Op. cit. P. 49). П. Арну допускает возможность того, что к моменту парфянского посольства к Крассу новость о падении Селевкии еще не дошла до римлян (*Arnaud P.* Les guerres parthiques de Gabinius et de Crassus et la politique occidentale des Parthes Arsacides entre 70 et 53 av. J.-C. // *Electrum.* 1998. Vol. 2. P. 30), но это вряд ли значительно смещает дату падения Селевкии, она остается в пределах первых месяцев 53 г.

Вину за него они дружно возлагают на правителя Осроены Абгара. Если отвлечься от художественных подробностей, то дело выглядело так. Абгар, который в свое время оказал помощь Помпею и был провозглашен «другом и союзником римского народа», «человек ловкий и коварный» (Plut. Crass. 21.1: *δολερὸς καὶ παλίμφολος ἀνὴρ*), теперь явился к Крассу. Он превозносил Помпея как своего благодетеля, снабжал Красса деньгами, давал ему советы. Но на самом деле он был подослан парфянами с целью заманить Красса в ловушку и потому старался отвратить его от правильных решений и внушить ему неправильные (Plut. Crass. 21; Cass. Dio. XL.20.2–4; 21.1). Кассий Дион рассказывает даже, что во время сражения Абгар ударил по легионам Красса с тыла (Cass. Dio. XL.23.1). Однако главная вина Абгара, с точки зрения этих авторов, состояла в том, что он увёл Красса от безопасной дороги вдоль Евфрата в глубь страны. «Если ты намерен сразиться, – говорил он, – следует поспешить, пока царь не собрал в одно место все свои силы, потому что теперь против вас брошены только Сурена и Силак с наказом отвлечь на себя ваше внимание, самого же царя нигде не видно» (Plut. Crass. 21.4). Нечто подобное сообщает и Кассий Дион: «Абгар убедил его отказаться от этого пути (т.е. от пути на Селевкию и Ктесифон. – Е.С.), поскольку он занял бы долгое время, и посоветовал ему атаковать Сурену, потому что последний был неподалеку и имел лишь немного людей» (Cass. Dio. XL.20.4). Итак, нас хотят убедить в том, что, не прислушавшись к мнению своего штаба, Красс слепо доверился варвару. Особым правдоподобием эта версия не отличается.

Что касается Абгара, то причин для измены, которую ему приписывают и многие современные исследователи¹⁹, у него не было. Напротив, союз с римлянами давал ему определённую гарантию независимости, поскольку его княжество имело выгодное стратегическое положение и давно привлекало к себе взоры сильных соседей, Армении и Парфии. Кроме того, мы знаем из сирийских источников, что уже в том же 53 г. Абгар был свергнут парфянами²⁰, что тоже не укладывается в картину предательства: если бы всё было так, как нам рассказывают, он был вправе ожидать от парфян награды за верную службу²¹. Так что, по-видимому, дело обстояло иначе, и основанием для обвинений в измене послужило то, что он покинул римскую армию, когда понял, что она обречена на поражение. Мнение же о том, что Крассу следовало идти безопасной дорогой, скорее всего, возникло *post factum*. Целью Красса было не уклонение от встречи с парфян-

¹⁹ См., напр.: *Gelzer M.* Op. cit. Sp. 325; *Bivar A.D.H.* Op. cit. P. 53; *Sheldon R.M.* Rome's war... P. 30. А.Н. Шервин-Уайт и Т. Вайзман вообще принимают за истину рассказ Кассия Диона о том, что Абгар ударил римлянам в спину (*Sherwin-White A.N.* Op. cit. P. 289; *Wiseman T.P.* Caesar, Pompey and Rome, 59–50 B.C. // САН². 1992. Vol. 9. P. 403).

²⁰ *Segal J.B.* Edessa 'The Blessed City'. Oxf., 1970. P. 10–12; *Ball W.* Rome in the East. The transformation of an empire. L.; N.Y., 2000. P. 90, 464 (note 244).

²¹ *Sheldon R.M.* Rome's war... P. 46. Note 43.

ской армией, а, наоборот, её разгром²². В этом смысле стремление разбить Сурену и Силака до того, как подойдет Ород, было вполне рациональным. Именно поэтому Красс повернул от реки и двинулся на сближение с врагом.

Этот поход Плутарх описывает самыми мрачными красками: «Варвар ...вел римлян по равнине – дорогой, сначала удобной и легкой, а затем крайне тяжелой: на пути лежали глубокие пески, и трудно было идти по безлесным и безводным равнинам, уходившим из глаз в беспредельную даль. Воины не только изнемогали от жажды и трудностей пути, но и впадали в уныние от безотрадных картин: они не видели ни куста, ни ручья, ни горного склона, ни зеленеющих трав – их взорам представлялись морю подобные волны песков, окружавшие войско со всех сторон». Этот путь вызывал недовольство Кассия, который говорил Абгару, что тот ведет римлян «путем, приличествующим скорее главарю разбойничьей шайки кочевников, чем римскому полководцу»²³.

Отдельным деталям этого рассказа можно поверить – действительно, путь проходил в непривычных для воинов природных условиях, но в целом рассказ слишком драматичен. Кассий Дион уделяет гораздо меньше внимания тяготам похода, отмечая, что парфяне смогли до поры до времени укрываться от римлян – местность была местами холмистая, и леса там были (Cass. Dio. XL.21.2). В любом случае, Абгар вел легионы не по неизвестной местности, а по магистральному караванному пути с оазисами и небольшими поселениями, предназначенными для снабжения арабских торговцев и верблюдов в их караванах²⁴, не удаляясь на значительное расстояние от бассейнов рек, причём это движение было прикрыто римскими гарнизонами расположенных неподалёку месопотамских городов²⁵. Это вовсе не было безрассудное стремление в пасть врага... Вот только врага этого римский полководец, как, впрочем, и члены его штаба, представляли себе весьма смутно.

²² Sampson G.C. Op. cit. P. 110.

²³ Плутарх, среди прочего, рассказывает: «А лукавый варвар униженно просил и уговаривал потерпеть еще немного, а над воинами, идя рядом и оказывая им помощь, подшучивал и говорил со смехом: “Вы, должно быть, воображаете себя шагающими по родной Кампании, если так тоскуете по воде ключей и ручьев, по тени деревьев, по баням и гостиницам, забывая, что вы уже переступили границы арабов и ассирийцев!”» (Plut. Crass. 22.4). Этот рассказ явно демонстрирует, насколько широко Плутарх пользовался вымыслом. Даже если допустить, что на трудных участках пути Абгар мог взывать к терпению и, возможно, грубовато подшучивал над воинами, сам собой возникает вопрос: а на каком языке он мог это делать. Да и его напоминания о Кампании кажутся более чем сомнительными: откуда арабский князек мог знать географию Италии?

²⁴ Sheldon R.M. Intelligence Activities... P. 91. Естественно, это не означает, что путь был легким. Ф. Штарк справедливо замечает по этому поводу, что путь «был достаточно хорош для верблюдов, но не для пехоты» (Stark F. Rome on the Euphrates. The story of a frontier. N.Y., 1966. P. 117).

²⁵ Sampson G.C. Op. cit. P. 110.

Военная сторона похода изучена достаточно хорошо²⁶, однако при этом следует еще раз подчеркнуть ряд аспектов. Прежде всего, как оценивать действия самого Красса при известии о близости неприятеля? Первоначально он (если верить Плутарху, то по совету Г. Кассия) построил войска, растянув их по равнине на возможно большее расстояние и прикрыв фланги конницей, но затем отказался от этого решения. Согласно Плутарху, он «сомкнув ряды, построил войско в глубокое каре, причем с каждой стороны выставил по двенадцати когорт, а каждой когорте придал по отряду всадников, дабы ни одна из частей войска не осталась без прикрытия конницы и можно было бы ударить на врага в любом направлении, не страшась за собственную безопасность» (Plut. Crass. 23.3–4). Впрочем, это описание не вполне точно. Каре представляло собой не квадрат, а прямоугольник, на боковых сторонах которого находилось по 10 когорт (т.е. по одному легиону; Плутарх говорит о 12 когортах, т.к. посчитал также крайние когорты передней и задней линий), а переднюю и заднюю линию составляли по 25 когорт, т.е. по 2 ½ легиона²⁷. В центре четырехугольника находились штаб и обоз. Одним из флангов командовал Кассий, другим – П. Красс, центр возглавлял сам главнокомандующий.

Рассказ этот, несомненно, опирается на сообщение Кассия и строится «от обратного»: построение, избранное Крассом, привело войско к катастрофе, значит, первый вариант был лучше. Однако свои резоны для изменения боевого порядка у Красса были: вероятно, он посчитал растянутый строй слишком рискованным, а потому перестроил войска более компактно. Можно согласиться с Г. Сэмпсоном: новое построение, распределявшее силы римлян равномерно и лишавшее противника возможности использовать слабые участки для прорыва строя, демонстрирует ту осторожность, которой был известен Красс²⁸. Если бы боевые действия развивались по привычному сценарию, это был бы вполне надежный строй, и начало сражения это подтвердило.

Согласно рассказу Плутарха, парфяне начали сражение со своего рода «психической атаки»: они «воодушевляя себя перед боем, не трубят в рога и трубы, а поднимают шум, колотя в обтянутые кожей полые инструменты, которые обвешиваются кругом медными погремушками. Эти инструменты издают какой-то низкий, устрашающий звук, смешанный как бы со звериным ревом и раскатами грома» (Plut. Crass. 23.9). Такая тактика играла в действиях парфян очень важную роль – она обеспечивала сильное психологическое воздействие на врага еще до сражения²⁹. Музыкальные инструменты, которые описывает

²⁶ Классические работы: *Regling K.* Crassus' Partherkrieg // *Klio*. 1910. Bd. 7. S. 357–394; *Smith F.* Die Schlacht bei Carrhā // *Historische Zeitschrift*. 1916. Bd. 115/2. S. 237–262.

²⁷ *Drummann W, Groebe P.* Op. cit. S. 115–116. Anm. 4.

²⁸ *Sampson G.C.* Op. cit. P. 126.

²⁹ *Никоноров В.П.* Парфянские литавры // *ΣΥΣΣΙΤΙΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева*. СПб., 2000. С. 170; *Nikonorov V.P.* The Use of Musical Percussion Instruments in Ancient Eastern Warfare: the Parthian and Middle Asian Evi-

Плутарх, это, по-видимому, большие литавры, которые перевозили на верблюдах³⁰. Их гул был непривычен римлянам, которые не пользовались в боевых условиях ударными инструментами, и потому внушал иррациональный страх; затем, к страху, вызываемому слуховыми ощущениями, должен был добавиться новый – вид катафрактов, сбросивших с доспехов покровы и засиявших своими доспехами (Plut. Crass. 24.1). Эта сверхающая лавина устремила на строй римских легионов, однако первый удар парфянских катафрактов был успешно отражен (ibid. 24.2).

Настоящая проблема для римлян заключалась в конных лучниках, роде войск, с которым им до того практически не приходилось сталкиваться, или, если быть более точным, не приходилось сталкиваться с его массовым использованием. Какова была интенсивность обстрела, можно только догадываться. По примерным расчётам, всадник выпускал 8–10 стрел в минуту, т.е. опустошал свой запас за несколько минут. За 20 минут боя он выпускал порядка 160–200 стрел, а это значит, что 10 тыс. всадников за это время выпустили около 1,6–2 млн. стрел!³¹ Конечно, цифра эта завышена, и достаточно сильно, но, в любом случае, интенсивность обстрела была такой силы, которую римляне ранее просто не могли себе представить. Войска Красса оказались бессильны противостоять этим неуправляемым всадникам; по выразительной характеристике Г. Ферреро (правда, данной уже в связи с поражением Антония), «легион был могущественным орудием войны, подобным палице, но можно ли палицей перебить рой пчел?»³².

При этом следует учитывать, что, как убедительно показал В.П. Никоноров, причину неудачи Красса нельзя свести к действиям только конных лучников или только катафрактов. Первые не имели оружия ближнего боя и не могли противостоять римской пехоте при контратаке; вторые были малочисленны и неповоротливы, что в условиях неблагоприятно складывавшегося боя грозило катастрофой. Поэтому успешный исход сражения решила точная скоординированность действий обоих родов конницы³³.

Отметим, что этот успех не означал полного разгрома армии Красса. При всех ужасающих потерях, к вечеру в ней оставалось 20–25 тыс. бойцов, а сам Красс далеко не сразу утратил контроль над ней. Даже Плутарх, при всей своей недоброжелательности по отношению к Крассу, вынужден признать, что в критической ситуации он мужественно вел себя до самого вечера, и даже гибель сына не

dence // Studien zur Musikarchäologie. II: Musikarchäologie früher Metallzeiten. Vorträge des 1. Symposiums der International Study Group on Music Archaeology im Kloster Michaelstein, 18.–24. Mai 1998. Rahden, 2000. P. 74.

³⁰ Никоноров В.П. Парфянские литавры... С. 170.

³¹ Farrokh K. Op. cit. P. 133 (со ссылками на литературу).

³² Ферреро Г. Величие и падение Рима. СПб., 1997. Кн. 2. С. 225.

³³ Никоноров В.П. К вопросу о парфянской тактике (на примере битвы при Каррах) // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 57.

лишила его присутствия духа³⁴. Была ли деморализована понесенными потерями армия? Об этом судить сложно. Во всяком случае, римское каре выдержало натиск парфян, и полностью уничтожить противника Сурене не удалось³⁵.

Гораздо сложнее понять, что произошло, когда парфяне отошли на ночлег. Описывая вечер и ночь после битвы, Плутарх говорит об апатии полководца, указывая в то же время, что «воины все же хотели видеть его и слышать его голос». В этих условиях, по его словам, инициативу взяли на себя квестор Кассий и легат Октавий, которые и создали военный совет, принявший решение об отступлении (Plut. Crass. 27.7). Конечно, чисто психологически можно понять подавленное состояние Красса, отца, потерявшего сына, и полководца, проигравшего большое сражение. Однако в изложении Плутарха все выглядит слишком литературно, полководец, который «закутавшись, лежал в темноте, служа для толпы примером непостоянства судьбы, для людей же здравомыслящих – примером безрассудного честолюбия», очень выразительно контрастирует с воинами, которые хотят его видеть, несмотря на поражение³⁶. Кроме того, о какой-либо роли Кассия сообщает, как уже говорилось, только Плутарх; а вот Кассий Дион, хотя позже и упоминает, что Красс пал духом (Cass. Dio. XL.25.3), не сообщает ничего подобного, а просто говорит, что Красс и те, кто был в состоянии двигаться, выступили в Карры (ibid. 26.1).

Итак, день закончился поражением, но не катастрофой. Оставшиеся у римлян силы были достаточно велики и находились под за-

³⁴ Plut. Crass. 26.6–9. Конечно, приводимая Плутархом речь слишком странная и риторически оформленная, но, во всяком случае, некоторые моменты в ней вполне вероятны – указание на то, что гибель Публия является личным горем самого Красса, призывы к отмщению и стойкости. Г. Сэмпсон справедливо указывает на то, что до этой речи Плутарх изображал Красса исключительно в негативном свете, поэтому вряд ли он выдумал речь, показывающую его мужество, полностью; ее общее содержание могли донести те воины, которые уцелели в битве (Sampson G.C. Op. cit. P. 134). Что касается слов, произносимых парфянами в адрес римлян, которые также приводит херонейский историк (Plut. Crass. 26.4), то вряд ли сказано было именно это, для пышных речей просто было не место, но то, что в адрес римлян летели оскорбления (скорее всего, в основном для них непонятные в силу языкового барьера), не вызывает сомнений.

³⁵ Sampson G.C. Op. cit. P. 134.

³⁶ Кстати, подобный же контраст присутствует в биографии Антония, где описывается, как после того, как он устремился за Клеопатрой в Египет, «воины тосковали по Антонию и всё надеялись, что он внезапно появится, и выказали при этом столько верности и мужества, что даже после того, как бегство их полководца не вызывало уже ни малейших сомнений, целых семь дней не покидали своего лагеря, отвергая все предложения, какие ни делал им Цезарь» (Plut. Ant. 68.4. Здесь и далее биография Антония цитируется в переводе С.П. Маркиша). Повествование и здесь окрашено в романтический цвет, но все было гораздо прозаичнее: легионы старались выторговать более выгодные условия при переходе на сторону победителя (Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987. С. 132).

щитой городских стен, получив, таким образом, некоторую передышку. О дальнейшем, как всегда, наши основные источники повествуют по-разному. Плутарх дает развернутое повествование о том, как Сурена, предложив пойти на переговоры, сначала убедился, что Красс находится в Каррах, а затем подошел к городу со всем войском и начал требовать его выдачи; тогда Красс решил ночью покинуть город (Plut. Crass. 28.3–29.3). Кассий Дион передает гораздо менее динамичную версию, согласно которой «павший духом Красс посчитал, что не может быть в безопасности даже оставаясь в городе, и потому задумал немедленное бегство», но, так было полнолуние, остался в городе еще на некоторое время, дожидаясь безлунных ночей (Cass. Dio. XL.25.3–4).

Полного доверия не заслуживает ни одна из этих версий. Прежде всего, возникает вопрос: насколько долго Красс оставался в Каррах? Расчеты, основанные на астрономических данных, приводимых в источниках (полнолуние в сообщении Диона и упоминание луны, которая находится в созвездии Скорпиона, в совете араба-проводника Кассию [Plut. Crass. 29.4])³⁷, позволяют приблизительно определить, что его пребывание там длилось примерно от двух до пяти дней³⁸. Этот срок вполне приемлем. С одной стороны, армия должна была получить отдых, с другой – довольно быстро покинуть город, так как обороняться в Каррах было невозможно в силу отсутствия здесь запасов продовольствия³⁹. Поэтому решение покинуть Карры было вполне разумным; в сущности, Красс пытался совершить те же самые действия, которые через семнадцать лет спасли армию Марка Антония⁴⁰. Если судьба армии Красса была иной, то причиной во многом был субъективный фактор – предательство Андромаха, жителя Карр, который служил проводником (Plut. Crass. 29.3–4)⁴¹. К этому добавилось то, что отступление происходило в ночное время, что вело к неизбежной несогласованности в продвижении войск. Итогом этого было то,

³⁷ Groebe P. Der Schlachttag von Karrhae // Hermes. 1907. Bd. 42. S. 315–322; Regling K. Op. cit. S. 388–389.

³⁸ Regling K. Op. cit. S. 389.

³⁹ Marshall B.A. Crassus. A Political Biography. Amsterdam, 1976. P. 159; Sampson G.C. Op. cit. P. 139. На возможную помощь, которая могла прийти из Армении, намекает Плутарх (Crass. 29.2), однако здесь он сам противоречит себе, поскольку ранее говорил о том, что Артавазд не может выступить, так как ведет борьбу с парфянами (22.2).

⁴⁰ Plut. Ant. 41.1: «Антоний решил было возвращаться тем же путем – безлесным и равнинным, но один из его людей, родом мард, ...пришел к нему с советом держаться ближе к горам, которые поднимались по правую руку, и не подставлять тяжелую пехоту на открытой равнине под удар огромной конницы и ее луков».

⁴¹ В этом случае рассказ о предательстве достоверен: Андромах в дальнейшем при поддержке парфян стал тираном в Каррах и был убит своими согражданами за жестокость (Nic. Dam. fr. 88).

что Красс с 500 всадниками ушел в Сирию⁴², Октавий примерно с 5 тыс. воинов к утру вышел на возвышенности, которые служили спасением от вражеской конницы, сам Красс до утра проблуждал в болотах, в которые его завел Андромах. Кроме того, Кассий Дион в общем виде говорит о том, что в чужой и враждебной стране войска ночью рассеялись, причем какая-то их часть утром погибла (Cass. Dio. XL.25.4). Собственно, именно эти события, а не сама битва знаменуют собой разгром римской армии. Хотя в целом на возвышенности собралось около 10 тыс. чел. (5 тыс. вполне боеспособных воинов, шедших с Октавием, 4 когорты, которые были с Крассом, малое число всадников (Plut. Crass. 29.5–6), к которым, почти наверняка, примкнуло некоторое количество разрозненных групп воинов), они уже были не способны к действиям. Показательно, что Красс, несмотря на все удары судьбы, не утратил ясности в оценке ситуации и намеревался вести остатки своих легионов по холмистой местности в Армению (Plut. Crass. 30.1, 4; Cass. Dio. XL.25.5), однако под напором воинов был вынужден пойти на переговоры, которые оказались для него роковыми⁴³.

Итак, поход закончился крахом. Согласно Плутарху (и с ним согласны практически все исследователи), римляне потеряли 20 тыс. погибшими и 10 тыс. пленными⁴⁴. Пленников Ород приказал поселить на дальних восточных рубежах государства, в Маргиане, в окрестностях основанного еще Александром города, который после восстановления его Антиохом именовался по его имени Антиохией (Plin. NH. VI.47; Solin. 48.3). Здесь они смешались с местным населением, по крайней мере, частично, взяв в жены местных женщин (Her. Carm. III.5.5–12)⁴⁵.

⁴² Plut. Crass. 29.4; Cass. Dio. XL.25.4. «Это было возмутительнейшим образцом деморализации армии и утраты чести предводителем», – комментирует поступок Кассия К. Реглинг (*Regling K. Op. cit. S. 390*).

⁴³ Plut. Crass. 30.4–5. Согласно Диону, он пошел на переговоры без колебаний, «будучи испуган до крайности и приведен в смятение несчастьем, которое случилось как с ним лично, так и с государством, да к тому же видя, что воины и пути страшатся, считая его длинным и тяжелым, и Орода боятся» (Cass. Dio. XL.26.2). Описание Плутарха, видимо, более точно: одно дело, если бы Красс просто видел, что воины страшатся пути, здесь можно было воздействовать на них уговорами и угрозами, и другое дело массовые открытые требования заключить мир, которые вполне могли перерасти в мятеж.

⁴⁴ Plut. Crass. 31.8. Этому соответствует сообщение Аппиана, что из похода в Парфию вернулись лишь около 10 тыс. человек (App. BC. II.18), что составляло 2 легиона (*ibid.* II.49). Впрочем, эти цифры, скорее всего, несколько занижены. Подробнее см.: *Смыков Е.В. После Карр // Из истории античного общества. Н. Новгород, 2007. Вып. 9–10. С. 313–314.*

⁴⁵ В 40-е гг. XX в. оксфордский профессор Гомер Дабс высказал интересное предположение о том, что какая-то часть этих пленников в дальнейшем поступила на службу к гуннскому правителю Шаньюй Шиши и участвовала в его войне с китайцами (*Дабс Г.Г. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время // ВДИ. 1946. № 2. С. 45–50*). Это предположение не получило признания в науке, поскольку все аргументы Г.Г. Дабса носят косвенный характер, и в источниках нет ничего, что недвусмысленно

Говоря о последствиях поражения Красса при Каррах обычно указывают, что оно знаменовало новый этап в развитии римско-парфянских отношений. Известный итальянский исследователь Э. Габба справедливо отмечал, что эта битва приобрела «символическое значение столкновения между Западом и Востоком»⁴⁶. Действительно, еще Т. Моммзен подчеркивал: «Со времен Ахеменидов это была первая серьезная победа, одержанная Востоком над Западом... Эта катастрофа, страшная сама по себе, казалось, должна была стать страшной и по своим последствиям и потрясти основы римского могущества на Востоке... Парфяне серьезно готовились... перейти границу Евфрата и с помощью армян и арабов изгнать римлян из Сирии»⁴⁷. Н. Дибвойс в своем классическом труде отмечал: «Результатом поражения Красса стало то, что Парфия во мнении людей от Средиземноморья до Инда оказалась на одном уровне с Римом или даже выше него»⁴⁸. Уже в наши дни Дж. Трайна подчеркивает: «После битвы при Каррах мир никогда уже не был бы прежним: фактически, эта битва явилась первым крупным столкновением в бесконечной и практически никогда не заканчивающейся войне между Римом и Ираном»⁴⁹. Разумеется, по мнению современных историков, это поражение не могло не привести римлян в ярость, которая породила реваншистские мечты. «Гноющуюся рану, нанесенную римскому чувству собственного достоинства... с римской точки зрения можно было излечить только потрясающей победой-реваншем» – пишет, например, А. Хойс⁵⁰.

Несмотря на широкое распространение подобных оценок, в их истинности можно усомниться. Прежде всего,стораживает практически полное отсутствие реакции на эти события со стороны современников. Ю. Малитц обращает внимание на тот факт, что в пе-

указывало бы на римлян. Однако жители расположенной на окраине пустыни Гоби деревушки Ликиан считают, что являются потомками этих римлян. У многих местных жителей зеленые глаза, европейские черты лица и высокий рост. На въезде в город Йонгчанг, ближайший город провинции, установлена статуя римского legionera, а в городе есть караоке-бар «Цезарь». В 2007 г. учёные даже взяли кровь для анализа ДНК у 93 человек, проживающих в Ликиане и сравнения с ДНК современных итальянцев, но это не может принести надёжных результатов, поскольку и на Апеннинском полуострове, и в Китае все эти столетия происходили интенсивные этнические смешения (*Zhou R. et al. Testing the hypothesis of an ancient Roman soldier origin of the Liqian people in northwest China: a Y-chromosome perspective // Journal of Human Genetics. 2007. Vol. 52/7. P. 584–591*).

⁴⁶ *Gabba E. Per la storia dell'esercito romano in età imperial. Bologna, 1974. P. 9.*

⁴⁷ *Моммзен Т. История Рима. СПб., 1995. Т. 3. С. 232 сл. Ср.: Нице Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1910. С. 313; Ковалев С.И. История Рима. Л., 1986. С. 432.*

⁴⁸ *Debevoise N.C. Op. cit. P. 93.*

⁴⁹ *Traina G. Note in margine alla battaglia di Carre // Electrum. 2009. Vol. 15. P. 235.*

⁵⁰ *Heuss A. Römische Geschichte. Braunschweig, 1960. S. 257. Подборку других подобных оценок см.: Timpe D. Op. cit. S. 105.*

реписке Цицерона времени его киликийского наместничества парфяне упоминаются лишь как один из пограничных народов, наряду с другими, а не как опасный враг римского государства⁵¹. Если бы поражение Красса действительно произвело то впечатление, которое обычно ему приписывают, то Цицерон, имевший столь тесные личные связи с самим Крассом и с его сыном, а также непосредственно вовлеченный в восточные дела во время своего наместничества, хоть как-то упомянул бы о судьбе незадачливого полководца – между тем таких упоминаний у него нет⁵². Если он и говорит в своих произведениях о походе Красса, то только в связи с тем, что он начался без законных оснований⁵³, или же рассказывая о дурных предзнаменованиях, которые ознаменовали начало похода (Cic. Div. I.29; II.84). Конечно, говорить о том, что поражение при Каррах не произвело никакого впечатления вообще, было бы ошибкой, но не меньшей ошибкой является и преувеличение этого впечатления. Косвенным подтверждением тому, что ситуация на Востоке заботила сенат гораздо меньше, чем обстановка в самом Риме, является весь ход событий ближайших двух-трех лет на территориях, смежных с евфратской границей⁵⁴.

⁵¹ Malitz J. *Caesars Partherkrieg* // *Historia*. 1984. Bd. 33. Hf. 1. S. 27. Правда, Ю. Малитц, отмечая этот факт, все-таки придерживается мнения, что впечатление от поражения было в Риме сильным – не меньшим, чем от поражения М. Лоллия в 16 г. до н.э. (кстати говоря, этот пример не является удачным – мы ничего не знаем о впечатлении, которое эта позорная неудача произвела в Риме) или Квинтилия Вара в 9 г. н.э. (*ibid.* S. 26). Молчание источников об этом впечатлении объясняется здесь тем, что до нас не дошла переписка Цицерона за вторую половину 53 г. и соответствующая книга истории Т. Ливия. Аргументы эти довольно слабы: если в утраченных сочинениях находился рассказ о сильном впечатлении от поражения, то почему он ускользнул от внимания всей остальной традиции, повествующей о походе Красса и до нас не дошли хоть какие-то его отголоски?

⁵² *Timpe D.* Op. cit. S. 108.

⁵³ Cic. *De fin.* III.75: «Красс, ...не нуждайся он в деньгах, никогда бы не решился перейти Евфрат, не имея никакой причины для войны» (*Crassus, qui nisi eguisset, numquam Euphraten nulla belli causa transire voluisset*) (Пер. Н.А. Федорова, с изменениями).

⁵⁴ Подробнее см.: *Смыков Е.В.* После Карр. С. 320–321. С. Маттерн-Паркс связывает это отсутствие немедленной реакции с медлительностью коммуникаций и транспортировки в архаических обществах (*premodern society*). По ее мнению, отмщение предполагалось в любом случае, срок давности значения не имел (*Mattern-Parkes S.P.* *The Defeat of Crassus and the Just War* // *The Classical World*. 2003. Vol. 96/4. P. 392. N. 31). Однако в данном случае следует разделять реальную расплату за поражение, которая может обойтись без всяких лозунгов, и месть за поражение как политический лозунг. В этом смысле показательно, что с точки зрения римского общественного мнения за Красса отомстил П. Вентидий в битве при Гиндаре в 38 г., которую традиция помещает в тот же самый день, что и битву при Каррах (Cass. Dio. XLIX. 21.2; Eutr. VI.5.2; Oros. VI.18.23). Но именно в это же время возникает политический лозунг «месть за Красса», который активно используется пропагандой Октавиана.

Не последовало быстрой реакции и на парфянское вторжение. Реакция в Риме на это событие была до крайности вялой. Благодаря письму Целия к Цицерону от 17 ноября 51 г. мы в некоторой степени можем ее представить. Здесь важная внешнеполитическая проблема оказывается полностью подчинена внутривосточным партийным разногласиям: «Известия о приходе парфян вызвали разные толки: один говорил, что следует послать Помпея, другой – что Помпея не следует отпускать из Рима; третий – что Цезаря с его войском; четвертый – что консулов... Консулы же из опасения, как бы сенат не постановил, чтобы они выступили в походных плащах, и чтобы дело, в ущерб их чести, не было помимо них передано другому, вообще не хотят, чтобы сенат собирался... <...> ...Возникло мнение, что Кассий, для того, чтобы показалось опустошенным врагом то, что разграбил он, выдумал насчет войны, впустил в провинцию арабов и донес сенату, что это парфяне» (Сис. Fam. VIII.10.2. Пер. В.О. Горенштейна). Во всех этих разговорах отсутствует не только забота о государственных делах (на что сетует Целий); в них также нет даже намека на то, что кого-нибудь в это время заботило бы «мщение за Красса».

Более того: как показала К. Вегген, у авторов-современников, произведения которых до нас дошли и которые так или иначе упоминают Красса о его поражении практически не говорится. Соответствующий раздел ее монографии так и называется “Die Sicht der Zeitgenossen – *Crassus und keine Niederlage*”⁵⁵. Исключение составляет Цезарь, который в «Записках о гражданской войне» упоминает о том, что парфяне «незадолго до того убили в сражении императора М. Красса и держали в осаде М. Бибула» (BC.III.31.3. Пер. М.М. Покровского). Однако от любых комментариев по этому поводу он воздерживается.

Таким образом, вряд ли можно согласиться как с приведенными выше оценками поражения, так и со многими другими, выдержанными в том же духе. Они отражают не столько политические реалии I в. до н.э., сколько современные идеологемы, в частности, идею извечной, идущей с переменным успехом борьбы Запада и Востока. Однако оснований для этого мнения, как и для представления о римско-парфянской войне, которая тянулась полстолетия, до 1 г. до н.э.⁵⁶, источники не дают.

Поражение при Каррах было, безусловно, тяжелым, хотя и не катастрофическим. Понесенные потери отнюдь не были самыми большими со времени битвы при Каннах, как утверждает Х. Крыскевич⁵⁷, - между Каннами и Каррами находится битва при Араузионе,

⁵⁵ Weggen K. Der lange Schatten von Carrhae: Studien zu M. Licinius Crassus. Hamburg, 2011. S. 121–143

⁵⁶ Overtoon N.L. The Parthian rival and Rome's failure in the east: roman propaganda and the stain of Crassus // Acta Antiqua Academia Scientiarum Hungaricae. 2017. Vol. 57. P. 2.

⁵⁷ Kryśkiewicz H. The Parthians – a worthy enemy of Rome? Remarks on Roman-Parthian political conflict in the 1st cent. B.C., and its influence on roman imperial ideology // Shidnij svit. 2017. № 3. P. 64.

потери в которой, если верить традиции, были больше, чем в битве при Каннах⁵⁸. Сравнение с тем, что произошло после битвы при Араузионе особенно любопытно. Как известно, после этого страшного разгрома были привлечены к суду виновные в разгроме – Кв. Сервий Цепион и Гн. Маллий Максим; ради этого плебейский трибун Л. Аппулей Сатурнин провел печально знаменитый в эпоху империи закон об оскорблении величия римского народа (103 г.)⁵⁹. Подобным же образом, хотя и в гораздо более мягкой форме, преследованию подвергся «виновник» разгрома Красса – плебейский трибун Г. Атей, которого в 50 г. цензор Аппий Клавдий если и не исключил из сената, то, во всяком случае, вынес ему порицание⁶⁰.

Информация об отношении в Риме к «виновникам», реальным или мнимым, этих поражений – это единственное, чем мы располагаем. В том и другом случае нет и речи о необходимости мстить кому-то за поражение. После Араузиона были приняты меры для отражения возможного вторжения варваров в Италию, но это вполне понятно: они были слишком близко от границ. Парфия была настолько далеко, что ситуация на границе с ней почти не взволновала общественное мнение. Достаточно спокойное отношение к парфянам демонстрирует и то, что за помощью к ним обратились последние защитники традиционной республики – сперва Помпей, а затем Брут и Кассий⁶¹.

Посмотрим на ситуацию с другой стороны. Можем ли мы говорить о резком усилении антиримских настроений на Востоке? Безусловно, брожение там было, однако стоит помнить, что и борьба с разбойничьими шайками в горах Амана, которую вел Цицерон, и бесконечные междоусобицы среди иудеев, в которые время от времени вмешивались чужеземные цари, были явлениями достаточно обычными, с которыми римской администрации уже неоднократно приходилось иметь дело. Возможно, эти волнения несколько усилились в результате поражения римлян, но показательно, что ни один из правивших в регионе царей не встал на сторону парфян. Правда, Цицерон, рассказывая о предпринятой им осаде киликийского города Пинденисс, говорит, что его жители «принимали беглых и с вели-

⁵⁸ Не вдаваясь в проблему достоверности чисел, согласно Полибию, при Каннах погибло 70 тыс. пехотинцев Рима и его союзников, в плен было взято 10 тыс. Кавалерия потеряла 6 тыс. всадников (III.117.2–4,7–12). Ливий писал о гибели 45,5 тыс. пехотинцев и 2,7 тыс. всадников из числа граждан республики и союзников и о пленении 3 тыс. пехотинцев и 1,5 тыс. всадников (XXII.49.15,18). В битве при Араузионе (октябрь 105 г. до н.э.), по данным того же Ливия, погибло 80 тыс. человек, а с учётом обозников и торговцев – около 120 тыс. (Per. LXVII).

⁵⁹ Об этом законе см.: *Broughton R. Magistrates of the Roman Republic*. N.Y., 1951. Vol. I. P. 563, 565 (note 4) (со ссылками на источники).

⁶⁰ *Смыков Е.В.* Триумвиры и трибуны: внутривластный контекст борьбы Красса за восточное командование // *SH*. 2010. Вып. X. С. 101–102.

⁶¹ Подробнее см.: *Смыков Е.В.* Парфия и Рим в 44–40 гг. до н.э.: от ограниченного вмешательства к массированному вторжению // *АМА*. 2010. Вып. 14. С. 138–151.

ким нетерпением ожидали прихода парфян» (Fam. XV.4.10). Эти слова вряд ли можно воспринимать как свидетельство симпатий жителей этого города к пришельцам из-за Евфрата. Сам же оратор ранее отмечает, что он «населен теми, кто никогда не повиновался даже царям» (ibid.); было бы очень странно, если бы столь непокорный народ с нетерпением ожидал пришельцев. Кроме того, в письме к Аттику, говоря о тех же событиях, он ни словом не упоминает о парфянах (Att. V.20.5), поэтому вполне резонно предположить, что в первом случае, направляя письмо Катону и понимая, что его прочитают не только адресат, но и те люди, которые будут принимать решение о предоставлении ему триумфа, он постарался усилить значение своей победы. В частном письме Аттику такой необходимости не было.

Итак, поражение римлян не вызвало на Востоке сколь-либо заметной реакции⁶². В общем-то этому удивляться не приходится. При всей пестроте этнической и политической картины региона власть Рима более соответствовала интересам местного населения. Как писали в свое время Э.Д. Фролов и Я.В. Доманский по поводу исторических судеб полисов Причерноморья, «по-настоящему победоносной и жизнеспособной проявила себя Римская держава, удачно соединившая в своей государственности и политике элементы общинно-городского, полисного плана с более широким державно-территориальным построением, собственный национально-государственный интерес – с общей для всей античности задачей противостояния варварской периферии»⁶³. Несмотря на некоторое различие двух конкретно-исторических ситуаций, в главном они были сходны. Конечно, альтернативой Риму в его восточных провинциях и зависимых царствах являлась не достаточно аморфная варварская периферия, а могучая восточная держава; но это, пожалуй, только усугубляло ситуацию. Г.А. Кошеленко указывал на наличие в развитии парфянской культуры и государственности этого времени процесса «главным содержанием которого было постепенное вытеснение, преодоление и переработка всего эллинского, что осталось как наследие бывшего владычества Селевкидов, и утверждение своего местного, идущего либо от культурной традиции Парфиены и Маргианы, либо от Ахеменидов»⁶⁴. Таким образом, парфяне в данном случае высту-

⁶² Как подчеркивает К. Шиппманн, «даже если парфянская победа при Каррах и вызвала громкое эхо у народов востока, она в любом случае не произвела никакого значительного изменения в соотношении сил на Востоке» (Schippmann K. Op. cit. S. 40).

⁶³ Доманский Я.В., Фролов Э.Д. Основные этапы развития межполисных отношений в античном Причерноморье в VI–I вв. до н.э. (принципиальный обзор) // Античный полис. Проблемы социально-политической организации и истории античного общества. СПб., 1995. С. 111. Ср. несколько расширенную характеристику: они же. Основные этапы развития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII–I вв. до н.э.) // Античное общество: проблемы политической истории. СПб., 1997. С. 193.

⁶⁴ Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 274–275.

пали как нечто чужое и враждебное. Прямым свидетельством этого антагонизма является то, что западные районы Парфии, Месопотамия прежде всего, поддержали более эллинизированного Митридата III в его борьбе с братом, опиравшимся на восточные области государства⁶⁵.

Все это вместе взятое означает, что глобальное значение битвы при Каррах едва ли следует переоценивать. В том, что поражение римлян было тяжелым и, может быть, тем более обидным, что нанес его противник, живущий на Востоке⁶⁶, сомневаться не приходится. Однако возникший кризис был быстро и без особого напряжения сил преодолен⁶⁷, никаких эксцессов в восточных провинциях не произошло. С другой стороны, парфяне, конечно, показали, что при известных условиях они могут справиться с римской армией. Но никаких практических следствий это не имело. Судя по всему, парфянский монарх не был склонен к проведению активной экспансионистской политики на западном направлении. Поэтому говорить о «римско-парфянской войне», которая длилась более полувека, едва ли верно. Это отражение современной практики, когда война обязательно должна завершиться заключением мирного договора; но в данном случае мы, собственно говоря, и войны-то не имеем. Все военные столкновения с Парфией в это время носили неформальный характер – война не была объявлена, продолжались дипломатические сношения римского «правительства в изгнании» с парфянским двором, и даже Кв. Лабиена Парфянского ни один автор не упрекает в измене за его сотрудничество с парфянами. В сущности, пламенное желание отомстить за Красса впервые появляется лет через пятнадцать после поражения, и связано, скорее, не с внешнеполитическими, а с внутренними проблемами римского государства. Но это уже совсем другая история...

⁶⁵ Кошеленко Г.А. Указ. соч. С. 276–279.

⁶⁶ Overtoon N.L. Op. cit. P. 3–5 (многочисленные примеры влияния поражений на Востоке на репутацию как республиканских полководцев, так и императоров). В еще более широком контексте, как противостояние между государствами Запада и могущественной восточной империей, начавшееся еще с борьбы Греции и ахеменидской Персии, рассматривает римско-парфянские отношения А. Грегоратти (*Gregoratti L. Fighting a Dying Enemy: The Struggle between Rome and the Parthians // Myth-Making and Myth-Breaking in History and the Humanities / Dobre C.-F., Epurescu-Pascovici I., Ghiță C.E. (eds.). Bucharest, 2011. P. 25–36.*

⁶⁷ Даже А.Г. Бокщанин, по мнению которого «поражение Красса имело огромные военно-политические и психологические последствия. <...> ...После катастрофического исхода экспедиции Красса все оппозиционные Риму, а значит и господству эллинизированного слоя рабовладельцев, группы населения получили надежду на возможность свержения ненавистных социальных порядков», должен признать: «Несмотря на все насилия и хищения римской провинциальной администрации и алчность публиканов, эллинизированное население ...в основном держалось проримской ориентации» (*Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 59, 67*).

Литература:

- Беликов А.П. Парфянский поход Красса: военно-технический аспект // *Para bellum*. 2001. № 12: Война и военное дело в античности. С. 35–48.
- Беликов А.П. Рим и эллинизм. Проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003.
- Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. М., 1966. Ч. 2.
- Дебс Г.Г. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время // *ВДИ*. 1946. № 2. С. 45–50.
- Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1936. Т. 1.
- Доманский Я.В., Фролов Э.Д. Основные этапы развития межполюсных отношений в античном Причерноморье в VI–I вв. до н.э. (принципиальный обзор) // *Античный полис. Проблемы социально-политической организации и истории античного общества*. СПб., 1995. С. 103–111.
- Доманский Я.В., Фролов Э.Д. Основные этапы развития межполюсных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII–I вв. до н.э.) // *Античное общество: проблемы политической истории*. СПб., 1997. С. 159–193.
- Ковалев С.И. История Рима. Л., 1986.
- Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Моммзен Т. История Рима. СПб., 1995. Т. 3.
- Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1910.
- Никоноров В.П. К вопросу о парфянской тактике (на примере битвы при Каррах) // *Военное дело и средневековая археология Центральной Азии*. Кемерово, 1995. С. 53–61.
- Никоноров В.П. Парфянские литавры // *ΣΥΣΤΙΤΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева*. СПб., 2000. С. 167–174.
- Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987.
- Смыков Е.В. Парфия и Рим в 44–40 гг. до н.э.: от ограниченного вмешательства к массированному вторжению // *АМА*. 2010. Вып. 14. С. 138–151.
- Смыков Е.В. Триумвиры и трибуны: внутривосточный контекст борьбы Красса за восточное командование // *SH*. 2010. Вып. X. С. 89–103.
- Смыков Е.В. Парфянский поход Красса: к вопросу о некоторых аспектах кампании 54 г. до н.э. // *IRANICA: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. – VI в. н.э.* Казань, 2017. С. 284–298.
- Смыков Е.В. После Карр // *Из истории античного общества*. Н. Новгород, 2007. Вып. 9–10. С. 312–322.
- Ферреро Г. Величие и падение Рима. СПб., 1997. Кн. 2.
- Arnaud P. Les guerres parthiques de Gabinius et de Crassus et la politique occidentale des Parthes Arsacides entre 70 et 53 av. J.-C. // *Electrum*. 1998. Vol. 2. P. 13–34.
- Ball W. Rome in the East. The transformation of an empire. L.; N.Y., 2000.
- Bivar A.D. The political history of Iran under the Arsacids // *The Cambridge History of Iran*. Cambr., 1983. Vol. 3/1. P. 21–99.
- Broughton R. Magistrates of the Roman Republic. N.Y., 1951. Vol. I.
- Debevoise N.C. A political history of Parthia. Chicago, 1938.
- Dettenhofer M.H. Perdita iuventus. Zwischen den Generationen von Caesar und Augustus. München, 1992.
- Drummann W., Groebe P. Geschichte Roms in seinem Übergange von republikanischen zur monarchischen Verfassung. Leipzig, 1910. Bd. 4.
- Farrokh K. Shadows in the Desert. Ancient Persia at war. Oxf., 2007.

- Frendo D.* Roman expansion and the Graeco-Iranian World: Carrhae, the Expansion and Aftermath in Plutarch // *Bulletin of Asia Institute*. 2007. Ser. New. Vol. 17. P. 71–81.
- Gabba E.* Per la storia dell'esercito romano in età imperial. Bologna, 1974.
- Gelzer M. M.* Licinius Crassus Dives (68) // *RE*. 1926. Hbd. 24. Sp. 295–331.
- Gregoratti L.* Fighting a Dying Enemy: The Struggle between Rome and the Parthians // *Myth-Making and Myth-Breaking in History and the Humanities / Dobre C.-F., Epurescu-Pascovici I., Ghiță C.E. (eds.)*. Bucharest, 2011. P. 25–36.
- Groebe P.* Der Schlachttag von Karrhae // *Hermes*. 1907. Bd. 42. S. 315–322.
- Gutschmid A. von.* Geschichte Irans und seine nachbarländer von Alexander der Grosse bis zum Untergang des Arsaciden. Tübingen, 1888.
- Heuss A.* Römische Geschichte. Braunschweig, 1960.
- Kennedy D.L., Burgess R.* Ancient sources for Zeugma (Seleucia-Apamea) // *Kennedy D.L. et al.* The twin towns of Zeugma on the Euphrates: rescue work and historical studies. Portsmouth RI, 1998 (*Journal of Roman archaeology*. Supplementary series. No. 27). P. 139–162.
- Kryśkiewicz H.* The Parthians – a worthy enemy of Rome? Remarks on Roman-Parthian political conflict in the 1st cent. B.C., and its influence on roman imperial ideology // *Shidnij svit*. 2017. № 3. P. 60–72.
- Malitz J.* Caesars Partherkrieg // *Historia*. 1984. Bd. 33. Hf. 1. S. 21–59.
- Marshall B.A.* Crassus. A Political Biography. Amsterdam, 1976.
- Mattern-Parkes S.P.* The Defeat of Crassus and the Just War // *The Classical World*. 2003. Vol. 96/4. P. 287–296.
- Nikonorov V.P.* The Use of Musical Percussion Instruments in Ancient Eastern Warfare: the Parthian and Middle Asian Evidence // *Studien zur Musikarchäologie. II: Musikarchäologie früher Metallzeiten. Vorträge des 1. Symposiums der International Study Group on Music Archaeology im Kloster Michaelstein, 18.–24. Mai 1998. Rahden*. 2000. P. 71–81.
- Overtoun N.L.* The Parthian rival and Rome's failure in the east: roman propaganda and the stain of Crassus // *Acta Antiqua Academia Scientiarum Hungaricae*. 2017. Vol. 57. P. 1–22.
- Rawlinson G.* The sixth Great Oriental Monarchy, or the Geography, History, Antiquities of Ancient Parthia. N.Y., 1873.
- Rawlinson G.* The Story of Parthia. N.Y., 1893.
- Regling K.* Crassus' Partherkrieg // *Klio*. 1910. Bd. 7. S. 357–394
- Sampson G.C.* The Defeat of Rome in the East. Crassus, the Parthians and the Disastrous battle of Carrhae 53 BC. Philadelphia, 2008.
- Schippmann K.* Gründzuge der partischen Geschichte. Darmstadt, 1980.
- Segal J.B.* Edessa 'The Blessed City'. Oxf., 1970.
- Sheldon R.M.* Intelligence Activities in Ancient Rome. L., 2005.
- Sheldon R.M.* Rome's war in Parthia: blood in the sand. L., 2010.
- Sherwin-White A.N.* Roman Foreign policy in the East. 168 B.C. to A.D. 1. L., 1984.
- Smith F.* Die Schlacht bei Carrhā // *Historische Zeitschrift*. 1916. Bd. 115/2. S. 237–262.
- Stark F.* Rome on the Euphrates. The story of a frontier. N.Y., 1966.
- Sykes P.M.* A History of Persia. L., 1915. Vol. 1.
- Tarn W.* Parthia // *CAH*. 1932. Vol. 9. P. 574–613.
- Timpe D.* Die Bedeutung der Schlacht von Carrhae // *Museum Helveticum*. 1962. Vol. 19. S. 104–129.

- Traina G.* Imperial Views on the Battle of Carrhae // M. Formisano and H. Böhme (Eds.). *War in Words. Transformations of War from Antiquity to Clausewitz*. B.; N.Y., 2011. P. 209–217.
- Traina G.* Note in margine alla battaglia di Carre // *Electrum*. 2009. Vol. 15. P. 235–247.
- Weggen K.* *Der lange Schatten von Carrhae: Studien zu M. Licinius Crassus*. Hamburg, 2011.
- Wiseman T.P.* Caesar, Pompey and Rome, 59–50 B.C. // *CAH2*. 1992. Vol. 9. P. 368–423.
- Zadorojniy A.V.* Tragedy and Epic in Plutarch's "Crassus" // *Hermes*. 1997. Bd. 125/2. P. 169–182.
- Zhou R., An L., Wang, X. Shao W., Lin G., Yu W., Xie X.* Testing the hypothesis of an ancient Roman soldier origin of the Liqian people in northwest China: a Y-chromosome perspective // *Journal of Human Genetics*. 2007. Vol. 52/7. P. 584–591.